

Читая Послания

Послания в древнем мире

Современному читателю, впервые открывающему Новый Завет, покажется, наверное, странным, что из 27 его книг 21 представляет собой письма (послания) или нечто, очень похожее на письма, и что они составляют 35 процентов текста. Почему выбрана именно такая форма?

Здесь надо учитывать по меньшей мере четыре фактора. Во-первых, мы часто забываем, какой богатый выбор у нас сегодня в области коммуникации, почти совершенно не известный церкви I в. Послания тогда (как мы увидим) представляли собой устоявшиеся формы связей личного и общественного характера; других было немного. Существовали древние эквиваленты городским глашатаям, имели место некоторые виды книжных публикаций (но не в печатном виде), пьесы, разнообразные речи, однако большинство из них не годилось для того вида сообщений, которые приходилось посылать руководителям местных церквей.

Во-вторых, быстрый рост церкви в первые десятилетия ее существования требовал подвижного, недорогого и быстрого средства связи с верующими, рассеянными по всей империи. Трудно представить лучшую альтернативу из всего набора вариантов, имевшихся в то время.

В-третьих, возрастая, церковь все чаще сталкивалась с вопросами, которые ей было нелегко разрешить. Некоторые из них были обусловлены тем, что она выросла из религии ветхого завета, а другие проистекали из ее противостояния язычеству греко-римского мира. Таким образом, быстрый рост и обширная география сочетались с разнообразием и актуальностью встающих перед церковью вопросов. По Божьему провидению благодаря этим проблемам первое поколение верующих, ведомое Духом, училось выражать и отстаивать веру, многообразно выражая истину. Обратиться к этим сложным проблемам удобнее всего было именно в посланиях, и потому неудивительно, что под Божьим водительством они стали своего рода церковными хартиями.

И, наконец, в древнем мире послания представляли собой укоренившиеся средства создания «эффекта присутствия». Мы называем это «поддерживать отношения или дружбу». Для того чтобы достичь этой цели, мы, живя в западном мире, прежде всего, наверное, обратились бы к телефону или факсу. В Римской империи — к посланиям, которые, вне всякого сомнения, становились тем более ценными, что между получениями посланий возникала некоторая пауза. Очевидно, что во многих случаях новозаветные писатели (по разным причинам) стремились создать «эффект присутствия» (напр.: 1 Кор. 5:3–5; Гал. 4:19,20; 1 Фес. 5:27) даже несмотря на то, что целиком восполнить недостаток общения, обусловленный расстоянием (1 Фес. 2:17 — 3:8; 2 Ин. 12), было невозможно.

Виды посланий

Около столетия назад считалось, что древние греко-римские сообщения можно разделить на два вида: 1) эпистолы, то есть литературные произведения, которые лишь внешне принимают форму посланий, но задуманы для всеобщей публикации и широкого чтения; 2) послания (письма) — сочинения, написанные по случаю (то есть, письма, появление которых обусловлено конкретными обстоятельствами) и предназначенные для прочтения отдельным человеком или определенной группой. Считалось, что послания Павла целиком принадлежат ко второй категории. Однако теперь от этого деления повсюду отказываются из-за его упрощенности. На самом деле видов посланий гораздо больше. По крайней мере, некоторые послания, написанные в связи с той или иной конкретной ситуацией, воспринимались в свое время как нормативные и имели значение, выходящее за рамки первоначального адресата (напр.: Кол. 4:16). Кроме того, явное разнообразие новозаветных посланий (достаточно сравнить Флм. и 3 Ин. с Рим.) говорит о необходимости более

тщательной их классификации.

Есть ученые, которые подразделяют древние послания на десять категорий (хотя в какой-то мере все эти категории перекрывают друг друга). Очевидно хотя бы то, что спектр древних посланий простирается от частных, личных сообщений (напр.: письмо домой с просьбой выслать денег) до выдержанных в соответствующей форме трактатов, предназначенных для максимально широкого круга читателей. Промежуточное положение занимали краткие публичные послания (нечто сродни современному «письму редактору», правда, при отсутствии газеты). Новозаветные послания покрывают значительную часть этого спектра. Например, послания к римлянам и евреям больше похожи на трактаты, но даже и они остаются письмами, написанными по случаю (см.: Рим. 15:17–22; Евр. 10:32–39; 13:22–24). Послания к Филимону, Титу и Третье послание Иоанна ближе к другому концу спектра, однако включение их в канон указывает на их авторитет и актуальность, превосходящие то, что могло быть продиктовано потребностями их первых читателей.

Содержание посланий

В древнем мире большинство посланий состояло из трех частей: вступительной, состоявшей из адреса и приветствия, основной и заключительной. Обычно, вступительная часть была довольно краткой: «такой-то такому-то, радоваться *\chairein*». В Новом Завете эта простая форма употребляется в послании (постановлении) апостольского собора (Деян. 15:23), в послании Клавдия Лисия (Деян. 23:26) и Иакова (1:1). В двух новозаветных посланиях (Евр. и 1 Ин.) вообще нет такого вступления, что заставляет задуматься об их жанре (см. ниже). Однако в большинстве из них вступительная часть расширяется, иногда совсем немного (напр.: Рим. 1–7), а традиционное *chairein* («радоваться») изменяется на *charts* («благодать»), что, конечно же, происходит под влиянием христианского опыта Божьей благодати в Евангелии (таковы все послания Павла, 1 и 2 Пет. и 2 Ин.).

В некоторых древних посланиях встречаются пожелания доброго здоровья или какое-нибудь благословение. В этом отношении новозаветные послания являют значительное разнообразие. На пожелание здоровья больше всего походит 3 Ин. 2, где — и это примечательно — *духовное* здоровье Гаия представляется основой его общего благополучия. Как правило, новозаветное послание начинается благодарением Богу (все послания Павла, за исключение Гал., 2 Кор., 1 Тим. и Тит.); некоторые начинаются с вознесения хвалы Богу: «Благословен Бог...» (2 Кор., Еф., 1 Пет.). Для древних посланий было характерно завершаться приветствиями; новозаветные писатели поступают так же, часто добавляя славословие или благословение. Особняком стоит Послание к Римлянам, где Павел вкратце описывает план своего путешествия (15:22–29), призывает к молитве (15:30–32), высказывает молитвенное пожелание (15:33), передает длинный ряд рекомендаций и приветствий (16:1 — 16), последнее приветствие — от соратников, и завершает пожеланием благодати и благословения (16:20–24). Несмотря на то что некоторые исследователи рассматривают гл. 16 как позднейшую редакторскую вставку, значительное место, отведенное Павлом этому заключению, по-видимому, объясняется тем, что раньше он не был знаком со всей церковью в целом и поэтому стремился установить самые лучшие отношения с ее членами, зная, что собирается остановиться у них по дороге в Испанию.

Что касается основной части, то для посланий времен поздней античности характерным было большое разнообразие. Некоторые исследователи попытаются определить наиболее типичные формы и порядок следования, наиболее характерные переходы от вступления к основной части и т. д. Пока эти усилия не получили широкого признания. По-видимому, лучше всего просто учитывать это многообразие, признавая, что христианские писатели здесь могли вести себя так же творчески, как и прочие (для посланий Павла особенно характерен творческий дух и эклектика), и что некоторые особенности новозаветных посланий, по-видимому, в какой-то мере обусловлены влиянием иудейского наследия, столь характерного для ранней церкви.

Некоторые соображения

Уместно сделать четыре дополнительных замечания общего порядка. Во-первых, новозаветные послания по объему, как правило, несколько больше, чем послания светского характера. Обычно сравнивают послания Сенеки и Цицерона с посланиями Павла. В 124 посланиях Сенеки насчитывается от 149 до 4134 слов, а в 776 посланиях Цицерона — от 22 до 2530. Послания Павла в среднем содержат 1300 слов, однако Послание к Римлянам включает в себя 7114 слов.

Во-вторых, исследования показывают, что для писателей было весьма обычным делом прибегать к помощи «переписчиков», опытных писцов, которые писали под их диктовку. Нет никакого сомнения в том, что многие переписчики были рабами, нанятыми для того, чтобы помочь не очень грамотному хозяину в его делах и переписке; другие работали на свободных началах за плату. Послание к Римлянам (Рим. 16:22) показывает, что Третий был переписчиком, писавшим то, что ему диктовал Павел. Когда дело подходило к концу, диктовавшие обычно удостоверяли подлинность письма, собственноручно приписывая заключительные приветствия; так делал и Павел (Гал. 6:11; 2 Фес. 3:17). Отсюда следует, что апостол надиктовывал все свои послания и, быть может, так же поступали другие новозаветные писатели.

Трудно решить, насколько свободны были такие переписчики. Свидетельства остаются неясными и потому весьма спорными. Какая-то свобода все-таки была возможна; на это намекает хотя бы тот факт, что Третий называет свое имя. Однако, несмотря на это, нет никаких оснований думать, что переписчики, как правило, были свободны в своих действиях. По всей вероятности степень этой свободы зависела от взаимоотношений между переписчиком и диктовавшим, от относительной сноровки обоих, от характера переписки и т. д., так же, как и сегодня, свобода действий секретаря зависит от сходных факторов. Однако как только автор прочитывал все записанное и ставил свою подпись, именно он, а не переписчик, признавался автором документа. Тем не менее различия в стиле, скажем, между пасторскими посланиями и остальным наследием Павла, дают основания полагать, что первые записывал Лука (см.: 2 Тим.4:10), поскольку в них содержится немалое количество выражений, более характерных для сочинений Луки.

В-третьих, часто утверждают, что на протяжении двух первых веков новой эры послания, подписанные псевдонимом (то есть написанные якобы хорошо известным автором, хотя на самом деле принадлежат перу совсем другого человека), считались настолько обычным делом, что новозаветные писатели не усматривали в этом ничего плохого. Литературные доказательства заставляют признать, что некоторые новозаветные послания тоже поднаписаны псевдонимом. (У каждого исследователя перечень таких посланий разный, однако чаще всего указывают на пасторские послания и 2 Пет., затем Кол., Еф., 2 Фес. и, наконец, — уже не столь часто — некоторые другие.) Однако, несмотря на то что подписывать псевдонимом, особенно книги апокалиптического характера, в древнем мире было обычным явлением, в отношении посланий такое случалось нечасто, а быть может и никогда. Нет ни одного достоверного примера такого послания, которое относилось бы к двум первым векам. Примеры, на которые ссылаются, не очень убедительны. Что касается сугубо иудейской литературы, то *Послание Иеремии* представляет собой не столько собственно послание, сколько проповедь, а *Послание Аристиды* — апологетическое повествование (причем, оба датируются несколько более ранним периодом). Такие же проблемы характерны и для более поздних примеров христианской литературы (напр.: послания Христа и Авгаря, Лентула, некоторые образцы мнимой переписки между Павлом и Сенекой). Нельзя привести ни одного убедительного примера и из греко-римского языческого мира. Нет сомнений, что, как только церковь начала сталкиваться с этими проблемами, любое подозрение в том, что документ подписан псевдонимом, означало, что он не может рассматриваться как канонический авторитет. В любом случае, многие исследователи приходят к убеждению, что традиционные

доводы, на основании которых определенные новозаветные послания воспринимаются как подписанные псевдонимом, не имеют большой силы. Вкратце эти проблемы обсуждаются во вступлениях к соответствующим книгам.

И, наконец, ради полноты картины следует упомянуть, каким образом эти послания пересылались. Несмотря на то что имперское правительство имело свою собственную систему почтовой связи, обычные люди пользоваться ею не могли. Поэтому послания передавали с друзьями, знакомыми, рабами, служащими, солдатами, деловыми людьми, проезжими путешественниками — со всеми, кто готов был помочь и кому было по пути.

Послания Павла

Если предположить, что тринадцать канонических посланий, приписываемых Павлу, действительно принадлежат ему, нам придется ответить на вопрос, каким образом они оказались вместе и на каких основаниях включены в Новый Завет, каким мы его теперь знаем.

Собрание посланий Павла

Послания Павла были написаны за период, насчитывающий около пятнадцати лет (после того как он сам около пятнадцати лет был христианином), и разосланы церквям и отдельным людям, весьма удаленным друг от друга. Каким образом эти тринадцать посланий оказались вместе? Если отвечать в двух словах, то надо сказать, что мы этого не знаем; имеющиеся свидетельства слишком поверхностны, чтобы быть достоверными. В некоторых случаях Павел сам определяет не слишком широкую сферу распространения посланий (Кол.4:16). Имеются основательные аргументы в отношении Послания к Ефесянам, которое было написано для верующих Эфеса, а также близлежащих городов и селений. Это послание покрывает собой более конкретные, такие, как Послание к Колоссянам и Послание к Филимону (а быть может, и Флп). Первым конкретным списком, дошедшим до нас, является перечень десяти посланий Павла (включая пасторские послания), составленный Маркионом (вождем неправославного христианского движения, ок. 140 г.). Некоторые исследователи утверждают, что то был первый список такого рода. Однако это весьма сомнительно. До нас дошла лишь очень незначительная часть письменных материалов периода поздней античности, и список, составленный Маркионом, прежде всего ценен как свидетельство того, что, по всей вероятности, уже имелись более крупные православные списки. Для таких лжехристианских вождей было обычным делом соотносить христианскую литературу со своими собственными потребностями. Маркион отверг все книги Ветхого Завета и почти весь Новый Завет; даже из Евангелий он оставил только усеченный вариант Евангелия от Луки.

Существует другая точка зрения, согласно которой впервые послания Павла были собраны воедино вскоре после 90 г. н. э., то есть за пятьдесят лет до Маркиона. Предполагается, что какой-то верный последователь Павла, вдохновленный публикацией Деяний (которые, согласно этой точке зрения, появились незадолго до 90 г.), собрал все его сохранившиеся послания. Однако гораздо вероятнее, что Деяния были опубликованы много раньше, около 64 г., и трудно понять, почему в таком случае некоторым сочинениям Павла пришлось ждать этого события. Существуют бесспорные свидетельства, что отдельные его послания цитируются ранними отцами церкви (особенно Климентом Римским, около 96 г.). Но гораздо важнее то, что во 2 Пет. 3:16 говорится о «всех посланиях» Павла. Хотя это выражение и не дает оснований говорить о том, что в данном случае речь идет именно о дошедших до нас тринадцати канонических посланиях, но, несомненно, указывает на то, что современникам было известно о существовании основной части посланий Павла. Хотя наши ученые склоняются к тому, чтобы датировать Второе послание Петра более поздним сроком, можно привести существенные доводы в пользу того, что оно было опубликовано в 64—65 гг.

Существует еще одна теория, которая, несмотря на невозможность доказать ее, кажется

более правдоподобной, чем ее основные соперницы. Уже при жизни Павла его послания (по несколько собранных вместе) циркулировали по отдельным регионам, что отчасти было обусловлено его собственными требованиями (Кол. 4:16). Затем, после его мученической смерти (ок. 65 г.), один или несколько самых близких его соратников (Тимофей?) попытались сохранить как можно больше из переписки учителя, находящейся в обращении. Обо всем этом нельзя говорить с полной уверенностью, однако некоторые считают, что такая теория лучше всего согласовывается с дошедшими до нас фактами.

Расположение посланий

Принципы организации посланий Павла в нашем Новом Завете требуют некоторых пояснений. Их последовательность не обосновывается ни хронологически (время публикации? время написания?), ни тематически. Она зиждется на двух простых принципах: послания к церквям (от Рим. до 2 Фес.) предшествуют посланиям к отдельным лицам (от 1 Тим. до Флм.), причем в каждой группе посланий более длинные предваряют более краткие. Единственным исключением является Послание к Ефесянам, которое, если исходить из сказанного, должно находиться перед Посланием к Галатам. Возможно, те, кто расположил послания Павла таким образом, обладали копией Послания к Ефесянам, которая выглядела более компактно, и потому ошибочно решили, что оно короче Послания к Галатам, но длиннее Послания к Филиппийцам.

Послания Павла часто разбиваются на четыре группы по тематическому признаку. Первая группа, которая включает в себя Послание к Римлянам, Первое и Второе послания к Коринфянам, а также Послание к Галатам, иногда характеризуется как большие евангельские послания. Первые три были написаны во время третьего миссионерского путешествия Павла. Несмотря на то что многие относят к этому периоду и Послание к Галатам, можно привести весьма убедительное доказательство того, что это было первое из сохранившихся посланий Павла. По своему содержанию Послание к Римлянам и Послание к Галатам довольно близки друг к другу, хотя ясно, что второе было написано для того, чтобы предостеречь христианскую общину в Галатии (состоявшую из бывших язычников) от тех, кто акцентировал внимание на иудаизме. А Послание к Римлянам, по-видимому, не имеет такой конкретной цели.

Вторую группу часто называют посланиями пленения или заключения, поскольку в каждом из них Павел характеризует себя как узника. Таковы Послания к Ефесянам, Филиппийцам, Колоссянам и к Филимону. Вероятно, все четыре были написаны, когда Павел находился в заключении в Риме, хотя многие ученые утверждают, что Послание к Филиппийцам, а быть может, и другие из названных четырех, были отправлены из Эфеса или Кесарии.

Третья группа включает в себя Первое и Второе послания к Фессалоникийцам. Многие утверждают, что из дошедших до нас посланий Павла эти два он написал первыми. Даже если Послание к Галатам было написано раньше, в Первом и Втором посланиях к Фессалоникийцам (посланных из Коринфа во время второго миссионерского путешествия) начинает звучать голос чуткого пастыря и напоминания о «последних днях», встречающиеся во многих других его посланиях. Хотя в первых строках своих посланий Павел обычно кроме себя упоминает одного или нескольких своих сотрудников, с ним, вне всякого сомнения, связаны двое — Силуан и Тимофей. И затем почти всегда довольно необычно используется 1-е лицо *множественного числа*.

Четвертая группа пасторских посланий включает в себя Первое и Второе послания к Тимофею, а также Послание к Титу. Эти послания чаще всего рассматриваются как подписанные псевдонимом. Однако, если приписать их авторство Павлу, придется согласиться, что Павел был освобожден из своего римского заточения, так как, согласно Первому посланию к Тимофею и Посланию к Титу, он уже находится на свободе, но Второе послание к Тимофею Павел снова пишет из тюрьмы и на этот раз совсем не надеется выжить.

Хотя лингвистические и тематические особенности этой группы посланий иногда преувеличиваются, они весьма существенны и, вероятно, возникают под воздействием нескольких факторов. Эти послания написаны к отдельным лицам, на закате жизни апостола; отчасти в них речь идет о принципах христианского руководства, и, вероятно, они были продиктованы доверенному лицу (Луке?), выполнявшему обязанности переписчика с гораздо большей свободой, чем обычно.

Послания, не принадлежащие Павлу

Эти послания отличаются большим разнообразием. Круг авторов, которым они приписываются, тоже достаточно широк. Послание к Евреям формально анонимно, и о его авторе нет единого мнения. В двух посланиях говорится, что они написаны Петром, а в двух других — что они написаны, соответственно, Иаковом и Иудой (которого многие считают единокровным братом нашего Господа). Оставшиеся три анонимны, хотя в двух из них сказано, что они написаны «старцем». Существует серьезная причина считать, что эти три послания написаны апостолом Иоанном. Два из этих семи посланий относятся к числу самых коротких в Новом Завете (2 и 3 Ин.) и одно — к числу самых длинных (Евр.).

Послание к Евреям и Первое послание Иоанна похожи одно на другое. Оба начинаются без какого-либо приветствия (в отличие от всех остальных новозаветных посланий). Исходя из этого, некоторые ученые предполагают, что эти сочинения вообще не являются посланиями, а представляют собой брошюры или небольшие книги, проповеди или эссе. Однако Послание к Евреям завершается как послание, и, кроме того, в обоих содержится немало замечаний личного характера, не говоря уже о ссылках на определенные моменты из опыта читателей, заставляющие сделать вывод, что авторы имели в виду каких-то конкретных читателей (напр.: Евр. 5:12; 6:10; 10:32; 1 Ин. 2:19). Многие фразы, использованные в языке Послания к Евреям, дают основание предположить, что это послание начиналось как ряд проповедей, впоследствии приобретших именно такую форму. Возможно, что Первое послание Иоанна служило общим пасторским посланием, имевшим хождение среди ряда церквей, причем некоторые церкви кроме этого получали адресованные именно им конкретные и более краткие сообщения (2 и 3 Ин.?).

Характерные особенности некоторых из этих посланий требуют более подробного комментария, но здесь мы только упоминаем о них. Послание Иуды и Второе послание Петра свидетельствуют о некоторой литературной зависимости (напр., от Марка или Матфея). Возможно, что Послание Иакова было первой написанной новозаветной книгой. Второе послание Иоанна содержит уникальное обращение, адресованное «избранной госпоже и детям ее»; вероятнее всего, речь идет о какой-нибудь церкви, находящейся под попечением Иоанна, и ее членах (горячие споры ведутся о причинах, заставивших Иоанна выбрать именно эти слова). Третье послание Иоанна примечательно тем, что в нем открыто говорится о «политике силы» внутри раннехристианской церкви, что в какой-то мере напоминает 2 Кор. 10–11.

Толкование посланий

Необходимо, конечно же, иметь в виду общие принципы толкования Библии, которые мы кратко охарактеризовали раньше (см.: «Как толковать Библию» в статье «Приближаясь к Библии» в кн.: «Новый библейский комментарий». Ч. 1. Спб., 2000). Кроме того, надо учитывать некоторые моменты.

1. Надо как можно внимательнее следить за развитием мысли в посланиях (в большинстве из них, хоть и в разной степени, соблюдается определенная логическая последовательность), что не исключает необходимости учитывать и некоторые важные вариации.

Во-первых, иногда писатель дает ответ на насущные вопросы тех, кому он пишет. Это

особенно верно в отношении Первого послания к Коринфянам, где первые четыре главы посвящены разногласиям в Коринфской церкви, в остальных Павел довольно последовательно рассматривает проблемы, открывшиеся ему в результате устных сообщений, которые он получил (гл. 5,6), а затем — вопросы, поставленные перед ним в письме от самих коринфян (гл. 7 и дал.). Во-вторых, надо учитывать, что в некоторых посланиях развитие мысли идет весьма непоследовательно. Общеизвестна смысловая запутанность послания Иакова, и еще в большей степени это касается Первого послания Иоанна. Некоторые исследователи утверждают, что в последнем случае мы имеем дело с так называемым «стилем рондо», когда некоторые основные моменты обсуждаются снова и снова. Если это так, то речь здесь не идет о простом повторении.

Каждый цикл вводит новый материал и открывает новый смысловой горизонт. Иными словами, аргументация строится не по линейному принципу (как в большей части Рим. или во 2 Кор.), но не является и отрывочной, как в некоторых списках притчей. Течение мысли прерывистое, однако нередко, совершив круг, она возвращается к своему началу, к тому, что уже было рассмотрено, но с несколько иной точки зрения.

2. Самые ранние послания были первыми каноническими документами, появившимися после смерти и воскресения Господа Иисуса Христа; самые поздние из них относились к числу последних написанных канонических документов. Однако, несмотря на то что они охватывают период, приблизительно совпадающий с периодом написания Евангелий, их отличает от Евангелий то, что в последних прежде всего представлен Иисус во время Его земной жизни. Как бы мы ни пытались узнать из Евангелий о состоянии церкви во время их написания, эти сведения (весьма немногочисленные) всегда имеют лишь предположительный характер. Послания же, напротив, направлены непосредственно на проблемы ранней церкви.

Таким образом, послания раскрывают перед нами высшую стадию библейской истории спасения в вероучительном, этическом и духовном (аспект второго пришествия) смыслах. Нельзя отрицать, что перед нами богатая и многогранная картина. Однако ясно и то, что в ней обозначены не все проблемные аспекты. Послания — это части, в которых, тем не менее, представлены многие библейские темы и обозначены пути, на которых расходящиеся линии повествования фокусируются в Божьем откровении о Его Сыне. Трудно представить, как бы мы были обделены, если бы в Новом Завете не было, скажем, Послания к Евреям с его всеобъемлющей картиной левитской системы и представленным в ней заветом, прообразующим Ту жертву и Того Священника, Который в будущем однажды и навсегда искупит грех; если бы не было Послания к Ефесянам с его изложением захватывающего дух Божьего замысла собрать заблудших иудеев и язычников вместе в новой человеческой общности — Церкви; если бы не было Первого послания Иоанна с его волнующими и настойчивыми предложениями черпать утешение и уверенность в своей верности вероучению, нравственному послушании и подлинной любви; если бы не было Послания к Колоссянам с его настойчивыми предостережениями от ошибочного представления (особенно актуального в наш век плюрализма) об Иисусе Христе как о каком-то одном божестве среди множества других, тогда как Он является исключительным, искупающим самораскрытием Бога, Единственным, в Ком вся полнота Божества обитает телесно (Кол. 2:9). О каждом послании новозаветного канона можно было бы сказать что-то свое.

3. Послания представляют собой документы, соединяющие две культуры. Ветхозаветные Писания были написаны евреями, в значительной степени в контексте завета, который Яхве заключил со Своим народом. Нет сомнения, что в какой-то мере в этих книгах отражается древний ближневосточный контекст. Мы, например, знаем, что в литературе Египта существовало нечто похожее на еврейскую литературу мудрости, что в договорах древних хеттов и других народов было нечто родственное структуре завета и что в других племенных группах прибегали к обрезанию (хотя оно символизировало совершенно иное, нежели обрезание Авраама и его сыновей). Однако новозаветные послания, исходя из этого еврейского наследия, во многих случаях обращаются к уже сформировавшимся церквам греко-римского мира. Перемена не была случайной, так как она отражала переход Божьего

народа от племенного состояния к международной общине искупленных. По мере того как новозаветные писатели сталкивались с этим явлением и у них начинало складываться глобальное видение ситуации, к чему их подталкивал Божий Дух, им приходилось не только определять христианское отношение к закону Моисея, но и решать проблему сосуществования христиан–иудеев и христиан–язычников. Формировалось новое в социальном и политическом отношении, основанное на завете сообщество, которое представляло собой не нацию, а наднациональное содружество. Даже на литературном уровне эта связующая функция посланий приобретает большое значение. С одной стороны, изучая послания Павла, мы видим, что в немалой степени он относится к Писанию по–иудейски и очень хорошо знает иудейские методы его истолкования. Пользуясь преимуществами превосходного образования, полученного у Гамалиила в Иерусалиме, он в то же время хорошо знаком с греческой мыслью, цитирует малоизвестных греческих поэтов и прибегает к риторическим и прочим литературным приемам, берущим начало в греко–римском мире. Чуткое отношение к этому двойному наследию обогатит наше толкование. В то же время оно заставляет удивляться провиденциальной мудрости Бога, столь основательно подготовившей путь для верховного акта самооткровения.

4. Поскольку послания отражают не только конкретные исторические обстоятельства, но и представляют собой высшую ступень развития библейского богословия, то будет весьма полезно для пасторов и простых членов церкви (в дополнение к коммент.) обратиться к другим источникам информации. В хороших библейских словарях содержится много материала о городах, движениях, специальных выражениях, актуальных археологических данных и некоторых спорных вопросах. Читая Первое послание к Коринфянам, полезно что–то знать о Коринфе, читая последнее из посланий к семи церквям (Откр. 3:14–22), очень полезно узнать что–нибудь о Лаодикии. В то же время хорошие богословские словари могут кратко изложить значительную часть библейской и постбиблейской христианской дискуссии, сделав это в нескольких параграфах или на нескольких страницах, чтобы поместить ее в более широкий контекст, который может быть упущен теми, кто впервые приступает к серьезному исследованию текста Писания.

5. Так как появление всех новозаветных посланий в какой–то мере было вызвано определенными причинами, полезно воссоздать эти причины. Эти экскурсы порой очень важны, иногда опасны и всегда несколько запутанны. Реконструирование причин появления того или иного послания на основании свидетельств самого послания немного напоминает попытку воссоздать телефонный разговор на основании того, что было сказано только с одной стороны. Иногда эта задача выполняется очень легко, а порой она крайне трудна. Рискуя зайти в своей аналогии очень далеко, скажем, что легко воссоздать содержание телефонного разговора, если на том конце провода собеседник постоянно повторяет то, что ему говорят. Ситуация немного осложняется (хотя не становится безнадежной), когда о содержании разговора можно сделать только один вывод; еще труднее становится тогда, когда можно сделать несколько выводов, однако направления, которые принимает беседа, тяготеют к упразднению некоторых из них; и наконец, совершенно невозможно избавиться от предположений или явных домыслов, когда можно сделать множество выводов, но достоверными остаются лишь немногие. Однако даже тогда услышанное на том конце само по себе может иметь крайне важное значение.

Попытка воссоздать причину возникновения того или иного конкретного послания иногда называется «гаданием на зеркале». Например, читая Послание к Евреям, сразу замечаешь, что его автор глубоко озабочен тем, чтобы читатели твердо стояли в вере, не взирая на трудности. Но кем они были? Иудео–христианами, желающими вернуться к пунктуальному соблюдению иудейского закона? Язычниками, которые сначала обратились в иудаизм, потом в христианство и хотели сохранять связи с практикой иудаизма? Не испытывали ли они или автор сильного влияния Филона Александрийского, в сочинениях которого довольно часто встречаются (хоть и на чисто формальном уровне) параллели к Посланию к Евреям? Наверняка можно назвать ученых, которые поддерживают каждую из

названных точек зрения, а также многие другие.

В одном отношении такие вопросы не имеют слишком большого значения. Независимо от того, к каким выводам приходит современный комментатор, фактически все согласятся, что Послание к Евреям призывает христиан твердо исповедовать свою веру. Однако это проблемы не просто академические. Природа искушения, которому подвергались читатели, и то, каким образом их призывали не отступать, связаны с конкретными обстоятельствами. Могут найтись ученые, которые не согласятся с такой точкой зрения, но это вовсе не основание для отказа поразмышлять над этими вопросами. Любой вдумчивый читатель должен как следует взвесить приводимые аргументы. Ясно, что вывод об обстоятельствах, вызвавших появление послания, окажет свое влияние не только на понимание призыва стоять в вере, но и на осознание того, как современные верующие могут применять к себе его уроки. Разумный и трезвый подход к этим вопросам прежде всего поможет установить связь между обстоятельствами нашей жизни и теми, которые имелись в виду в самом послании.

Позиции исследователей, занимающихся выявлением обстоятельств, вызвавших к жизни Послание к Евреям, гораздо более однозначны, чем разногласия мнений вокруг Послания к Колоссянам. Никогда не существовало более или менее единого мнения о том, что именно представляла собой «колосская ересь». Тем не менее в любом случае ответом на нее могло быть только утверждение об исключительном верховенстве Христа, Единственного, в Ком обитает вся полнота Божества телесно (Кол. 2:9) и Кто является образом невидимого Бога, через пролитую на кресте кровь Которого Бог совершил примирение (Кол. 1:15,20). Эти великие истины остаются неизменными, независимо от природы колосской ереси. Конечно, если бы мы более определенно знали, с чем именно столкнулся Павел, было бы немного понятнее, почему он рассуждает именно так. Но в любом случае основные направления мысли, выраженной в послании, нам ясны.

Нельзя забывать, что природа посланий требует, чтобы комментатор старался понять исторические обстоятельства, вызвавшие написание каждого из них. Нельзя допускать, чтобы истолкование целиком зависело от реконструкции, которая является результатом одних лишь предположительных умозаключений.

6. В некоторых отношениях ситуативный характер посланий затрудняет задачу комментатора. Темы, которые, скажем, должен поднять Павел, отчасти определяются ситуацией, с которой он сталкивается. В таком случае они могут и не раскрывать в достаточной мере его богословие, которое могло быть четко изложено в выступлении на рыночной площади или в письме, адресованном братьям-апостолам. Это не означает, что его послания не выдержаны в богословском смысле. Просто речь идет о том, что нигде, кроме, быть может, Послания к Римлянам, Павел не ставит перед собой задачи дать обзор своего богословия, которое он воспринял как христианский апостол.

Это означает, что многое из написанного о «средоточии» его богословия не учитывает должным образом природу его сочинений, дошедших до нас. Невозможно определить значение креста и Духа в богословской мысли Павла, если просто подсчитать, сколько раз использованы оба эти слова. Если об одном он говорил больше, чем о другом, то это, быть может, объясняется немаловажными причинами пасторского характера, даже если «другое» являлось более определяющим в его мысли. Кроме того, надо исследовать все те места, где, например, встречаются слова «крест», «распятый», «смерть» и «кровь», чтобы понять, какую роль они играют в богословии Павла.

Даже само понятие «средоточия» может вводить в заблуждение. Оно как бы требует от апостола упорядочить свое учение, последовательно выстраивая иерархию значений, что, быть может, показалось бы ему делом до странности отвлеченным и даже неприемлемым. Термин «средоточие» не всегда понятен и требует уточнения. Можно утверждать, что «средоточием» богословской мысли Павла является учение об оправдании. Оправдание знаменует собой поворотный пункт в отношении человека к Богу и поэтому является фундаментом, на котором зиждутся все прочие спасительные благословения. Однако «средоточием» его богословия можно назвать и другое, например, крест Христа,

христологию, Божью славу или с полдюжины других понятий.

7. Однако если ситуативный характер возникновения новозаветных посланий затрудняет их истолкование, то именно это облегчает их изучение для простого верующего христианина. Если бы авторы посланий решили написать объемистые богословские тома, христиане–интеллектуалы были бы, конечно, очень благодарны. Однако в том виде, в каком они до нас дошли, послания не только заставляют думать и способствуют более глубокому пониманию, но и руководят всей нашей жизнью. В них рассматриваются вопросы этики, пасторские установки, основательно анализируется происхождение человеческих эмоций, рассматриваются вопросы совести, воли, нравственности, истины. Мы находим чуткое благодарение в Послании к Филиппийцам, глубокое и исполненное любви томление в Первом послании к Фессалоникийцам, горячее негодование, смешанное с обидой и любовью в Послании к Галатам, страстную мольбу в Послании к Евреям и т. д.

Так, конечно же, и должно быть. Ведь Библия и послания были даны не просто для того, чтобы информировать ум, но чтобы преобразить жизнь. Эти послания дают благодатную возможность посредничества между Богом и человеком, который, в противном случае, был бы оставлен и погиб. Иными словами, задача истолкователя никогда не должна быть лишь интеллектуальной. Истолкование должно представлять собой часть нашего призвания как христиан, как оправданных грешников и учеников, исповедующих Иисуса как Господа.

D. A. Carson